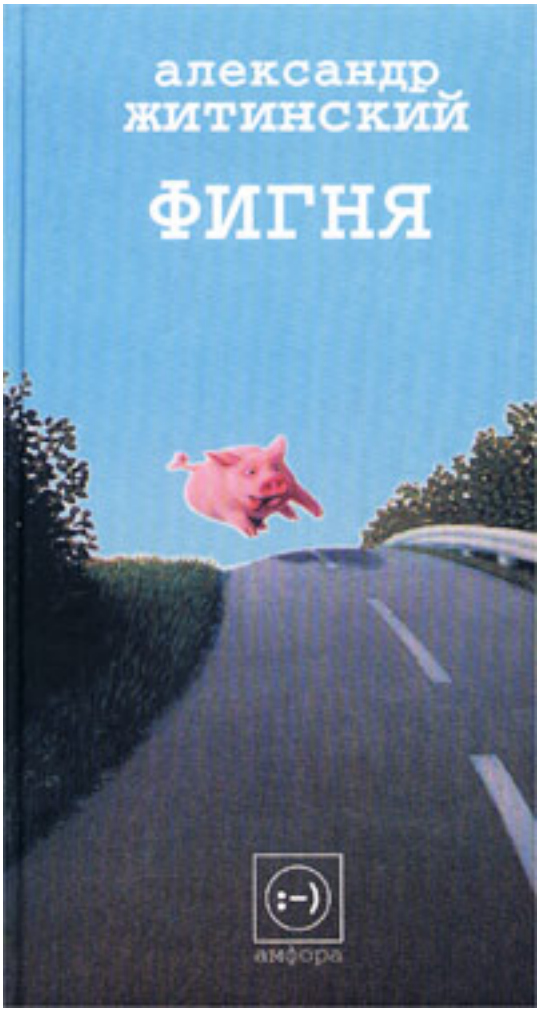
александр
житинский
ФИГНЯ
:-)
амфора

Кинопроза и либретто

Александр Житинский

Барышня-крестьянка

«Геликон Плюс»

Житинский А. Н.

Барышня-крестьянка / А. Н. Житинский — «Геликон Плюс», — (Кинопроза и либретто)

ISBN 978-5-457-06766-0

ISBN 978-5-457-06766-0

© Житинский А. Н.
© Геликон Плюс

Содержание

* * * 5
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Александр Житинский
Барышня-крестьянка
История для кино по мотивам одноименной повести А. С. Пушкина

* * *

Лиза проснулась оттого, что утренний солнечный лучик, выбившийся из-за занавески окна, добрался-таки до ее лица. Лиза сморщила носик, звонко чихнула и распахнула глаза.

– С добрым утром! – сказала она себе, отодвигаясь от солнца, потом потянулась сладко, обнажив по локоть руки из-под широких рукавов шелковой ночной сорочки, и взглянула на себя в зеркало у противоположной стены спальни.

Зеркало было овальным, огромным, в темной дубовой раме. Оттуда посмотрело на Лизу ее заспанное личико – посмотрело с любопытством и предвкушением какого-то озорства.

– Здрасте-пожалуйста! – ответила из зеркала сама себе Лиза почему-то басом и в тот же миг, откинув одеяло, уселась на кровати, свесив босые ноги из-под длинной сорочки. Она вытянула их перед собою и поиграла пальчиками ног, будто разминая. Видно, пальчики ей понравились, она довольно хмыкнула, решительно спрыгнула с постели и подбежала к окну.

Из-за оконных занавесок видна была часть барского двора, где происходила обычная утренняя суета: раздували самовар, из которого валил дым; девки вытряхивали ковер; на галерее гувернантка мисс Жаксон в потешном наряде с невозмутимым видом делала английскую утреннюю гимнастику. Григорий Иванович, в шлафроке и колпаке, что-то втолковывал кузнецу Василию, стоя с ним подле распряженной коляски. Вот барин закончил разговор и направился к дому.

Лиза опустила занавеску, с улыбкой скрытно продолжая наблюдать за папенькой.

Григорий Иванович поднял голову к дочкиному окну и неожиданным бельканто пропел:

– Re'veillez-vous, belle endormie!..

Сухой кашель мисс Жаксон заставил его смолкнуть на полуслове. Покосившись на галерею, Григорий Иванович бодро прокричал, как заправский лондонский кокни:

– Бетси! Good morning!

Лиза распахнула окно и помахала отцу рукой:

– Good morning, Daddy!

Звонко рассмеялась и подбежала к зеркалу.

Принимать позы у зеркала была ее любимая игра. Она встала подбочась, потом ловко накрутила на голову тюрбан из полотенца, скорчила несколько гримасок – победительную, удивленную и удрученную. Затем, поискав глазами вокруг, увидала тарелку, полную слив, схватила, не задумываясь, сливу и мигом съела. Косточку выплюнула на пол. Какая-то мысль пробежала по ее лицу, она взяла с тарелки еще две сливы и засунула за щеки. Посмотрела в зеркало – физиономия изменилась значительно. Этого Лизе показалось мало; она схватила сурьмяной карандаш и ловко нарисовала себе усы. Теперь из зеркала глядела на нее рожица с оттопыренными щеками, в черных усах да еще в тюрбане.

Лиза, полюбовавшись собою, взяла со столика перед зеркалом колокольчик и позвонила.

Колокольчик позвонил заливисто, и, будто откликаясь ему, где-то в деревне проголосил петух.

Лиза юркнула обратно в постель и укрылась с головою одеялом. Заскрипели ступени лестницы – это поднималась в спаленку, на второй этаж барского дома, Лизина прислужница Настя. Она была чуть постарше, но столь же ветрена, как ее барышня. Настя несла медный узкогорлый кувшин с водою для утреннего умывания. Она отворила дверь и подошла с кувшином к постели.

– Померещилось мне, что ли? Звали аль нет, барышня? – шепотом спросила она, боясь разбудить.

– Тысячу раз звала! Да разве ж тебя дозовешься, Настя! – измененным голосом из-за слив за щеками отозвалась барышня – и с этими словами показала лицо из-под одеяла!..

Настя шарахнуласть от постели, кувшин выпал из ее рук.

– Господь с вами! Опять за свое! Когда ж вы остепенитесь! – запричитала она, пытаясь спасти выливавшуюся из кувшина воду, и споро кинулась вон за тряпкой.

Лиза хохотала и каталась по постели, болтая в воздухе ногами.

Настя уже подтирала пролившуюся воду.

Лиза перестала хохотать, затихла, села на постели – руки-ноги в стороны, как у куклы, – и внезапно опечалилась.

– Скучно, Настя… Так скучно, что и жить не хочется, – промолвила она со вздохом, и даже всхлипнула.

– Тогда давайте умываться! Глядишь, веселее станет, – с этими словами Настя сняла с головы барышни тюрбан, подвела ее к умывальнику, представлявшему собою мраморный столик с вставленным в углубление тазом и зеркалом. Лиза взглянула на себя на этот раз в зеркало умывальника, слабо улыбнулась, провела пальчиком по черным усам. Пальчик замарался. Лиза взяла с полочки умывальника мыло.

– Взять мыльце… – начала она, и Настя тут же весело подхватила:

– Да помыть рыльце!.. Сорочку-то снимите, замочите!

Лиза стянула сорочку и наклонилась к умывальнику. Настя принялась лить из кувшина воду ей на ладони. Лиза мылила ладони и смывала с лица нарисованные усы.

Внезапно она обернулась к Насте.

– Я загадала на усы!

– Чего-чего? – удивилась Настя.

– Ничего. Загадала – и все! Лей пуще!

И вновь наклонилась к умывальнику. Настя метко направила изгибавшуюся дугой струю в желобок на тонкой девической шейке и забормотала, припоминая:

– Усы чешутся к гостинцам, к лакомству, к свиданью, к целованью…

Лиза ежилась под струей, плескалась, повизгивала, наконец, не выдержала:

– Ой, мочи нет!.. Дай сюда!

Она выхватила у Насти кувшин, подняла над головой и разом выплеснула из него всю оставшуюся воду на грудь себе и на лицо…

Часы пробили восемь раз, когда Лиза вошла в гостиную.

Стол был накрыт, и мисс Жаксон, уже набеленная и затянутая в рюмочку, нарезывала тоненькие тартинки. Отец сидел чинно во главе стола.

– Morning, miss Jackson, – кивнула Лиза гувернантке.

– Seet down, pleas, Bethy, – с трудом выговорил Григорий Иванович, обнимая дочь вполне по-русски и усаживая ее рядом с собою. Произношение у него было, конечно, прескверное, но ритуал был соблюден, и отец и дочь получили право говорить далее по-русски.

Ненила внесла чашу с дымящейся овсянкой.

Муромский скосил глаза на мисс Жаксон и заправил крахмальную салфетку за воротник. Получив свою порцию овсянки, он попытался есть, но салфетка топорщилась, Григорий Иванович в сердцах сорвал ее и хотел уже было отбросить, но встретился взглядом с мисс Жаксон и, точно провинившийся школяр, положил салфетку на колени.

– Опять овсянка… – протянула Лиза.

– Кушай, Лизавета. Для желудка полезно, – сказал отец.

– Oatmeal – лучший porridge, – кивнула мисс Жаксон и, с удовольствием проглотив ложку каши, продолжила застольный разговор: – Погода вовсе неплохой today. Я рекомендовайт walking…

– Будет, все будет, – закивал Муромский. – И прогулки будут, и игры. Я Рощина звал поиграть в крокет, он обещал сегодня заехать с супругой и дочерьми. Вот уж посплетничаете о женихах, а, Лизок?!..

– Какие у нас женихи! – отмахнулась Лиза. – Вот разве что к соседу нашему сын приехал… Говорят, прошел науку в Дерптском университете…

– Это к Берестову, что ль? – отложил ложку отец. – Опомнись, голубушка, иль ты забыла!? Иван Петрович Берестов – враг мне! Медведь и провинциал, каких свет не видел!..

– Сосед ведь…

– Со своим обедом не хожу по соседям! – кипятился Муромский. – Больно горд Иван Петрович, меня за дурака держит! Нет, ни его, ни сына его знать не желаю!..

– Не хочу для желудка, хочу вкусненького! – вдруг сердито отодвинула тарелку с овсянкой Лиза. – А ваш порридж ешьте сами!

Она вскочила из-за стола и выбежала вон.

– Я не понимайт… Мисс Бетси сегодня не самой в себе, – сказала мисс Жаксон.

– Замуж ей пора, вот что я скажу, – вздохнул отец и, скомкав салфетку, отшвырнул-таки ее в сторону. Потом тяжело поднялся и вышел вслед за дочерью, чуть не столкнувшись с Ненилой. Та водрузила самовар на стол, с недоумением глядя вслед барину.

– Barbarian country… – прошептала мисс Жаксон и налила себе чаю по-английски, с молоком.

А в это время соседский сын Алексей Берестов во всю прыть скакал на рьяном жеребце средь высоких трав раздольного луга. Чувство свободы и радость жизни распирали его, иногда он что-то кричал на ухо коню, и тот косил бешеным глазом, воротил морду и скалил зубы, будто смеялся.

Ярко светило июльское солнце, в небе кучерявились белоснежные облачка, стелилась трава под копыта коня и свистел в ушах ветер.

Фонтаном искрящихся брызг взметнул всадник мелкий ручей, промчался сквозь белизну березовой рощи и устремился в золотой покой соснового бора. Там он поехал медленнее, озирая с улыбкою деревья, словно здороваясь с ними. Лес был полон звуков и жизни: пели птицы; жужжа, кружились над цветами шмели и пчелы; порхали бабочки…

Алексей пришпорил коня, гикнул, проскакал опушкой – и вылетел на высокий берег реки, что волнистой голубой лентой вилась по зеленой равнине. Тут от полноты чувств он даже запел какую-то арию, но оборвал на полуслове, спрыгнул с коня и, снимая с себя на ходу рубаху-апаш, брюки и сапоги, покатился вниз к реке.

По за кустами у противоположного берега купались девки и бабы. Они были в белых рубахах, только недоросток Фенька плескалась голышом. Привлеченные пением юноши,

они, присев в воде, втихомолку наблюдали за тем, как Алексей, оставшись в чем мать родила (тут бабы и девки, ойкнув, отвернулись, только Фенька таращила бесстыжие глаза), с разбегу бухнулся в прозрачную воду. Поплыл саженками, крутнулся в воде – и тут приметил белые рубахи баб. Помахал им рукой – и скрылся под водой…

Бабы ждали, озираясь. Следили, где вынырнет, даже встали во весь рост. Нет и нет.

– Утоп, что ли? – глухо спросила Фенька. И вдруг диким голосом завизжала и забарахталась в воде, и тут же рядом с нею с фырканьем появилась голова молодого барина, который поднырнул под девку да и ухватил ее за ляжки. Девки и бабы, вздымая брызги, бросились на берег к ворохам одежды. Последней убегала Фенька, сверкая розовым задом.

Алексей хохотал им вслед и хлопал по воде руками…

В своем родовом имении Иван Петрович Берестов принимал гостей, собравшихся по случаю возвращения его сына в родительское гнездо после успешного завершения университетского курса.

В ожидании обеда Колбина и Рощина вкупе с очаровательным Владимиром Яковлевичем Хлупиным и его милейшей тетушкой расположились в ротонде и наладились перекинуться в бостон по копейке.

– А правду ли говорили, – вопросила тетушка Арина Петровна, – что мадам де Сталь была шпионом Буонапарта?

– Помилуйте, ma tante, – возразил Хлупин, – как могла она, десять лет гонимая Наполеоном, насилу убежавшая под покровительство русского императора, друг Шатобриана и Байрона, быть шпионом Буонапарта!

– Очень, очень может статься! Наполеон был такая бестия, а мадам де Сталь – претонкая штучка!..

– Я слышала, что однажды она спросила Бонапарта, кого он почитает первой женщиною в свете, – заметила жена Рощина. – И знаете, что он ответил? «Celle qui a fait le plus d'enfants»!

– Pardon, французскому не обучена, – поджала губы Арина Петровна.

– «Ту, которая народила более детей!» – перевела жена Колбина. – Бонапарт попал не в бровь, а в глаз – ведь у мадам де Сталь не было детей!..

Неподалеку по аллее прогуливались сестра Колбиной Амалия, молодящаяся столичная дама, приехавшая на лето из Санкт-Петербурга, и жена Захарьина Мария.

– Я начала Ричардсона, – рассказывала Мария, – благославясь, прочла предисловие переводчика…

– Надобно жить в деревне, чтобы осилить хваленую «Клариссу»… – вставила Амалия.

– Он говорит, что первые шесть частей скучненьки, зато последние вознаградят терпение читателя. Читаю том, второй, третий… скучно, мочи нет! Ну, думаю, сейчас я буду вознаграждена! И что же? Читаю смерть Клариссы, смерть Ловласа – и конец!.. Так и не заметила перехода от скучных частей к занимательным…

– Какая, все-таки, ужасная разница между идеалами бабушек и внучек! Ну что, скажите, общего между Ловласом и Адольфом?! А между тем роль женщины не изменяется…

– Вы правы, совершенно правы!.. – горячо поддержала Амалию Мария.

– Нет сомнения, что русские женщины лучше образованы, более читают, более мыслят, нежели мужчины, занятые Бог знает чем…

Алексей подскакал к дому со стороны заднего двора. У кухонного флигеля суетились слуги. Алексей спешился, передал поводья конюху и тут же столкнулся с поварихой.

– Поспешайте, барин, заждались вас! Иван Петрович шибко серчают… – всполошно сообщила она.

Алексей бросился в дом, птицей взлетел по лестнице в свою комнату, сорвал с себя пропыленную рубаху и стал поспешно переодеваться.

… А хозяин, тем временем, показывал гостям свою псарню.

В сопровождении главного псаря, управляющего и трех помещиков – Захарьина, Рощина и Колбина – Иван Петрович то подходил к загону с борзыми, то приседал на корточки перед легавыми, о чем-то говорил с ними, трепал морды… Ему поднесли в лукошке щенят. Он выбрал двух и обратился к Колбину:

– Лев Дмитрич, знаю, тебе мои борзые нравятся. Прими, друг любезный, из нового помета…

Колбин принял корзину, рассыпавшись в благодарностях:

– Иван Петрович, подарок царский! Давно мечтал… Благодарю покорно!

– А вы, Евгений Семенович, еще не заболели псовой охотой?

– Некогда все, Иван Петрович, – уныло отозвался Захарьин. – Хозяйство не отпускает… Нынче опять ожидаю недорода. Не знаю, ей-богу, что и делать!.. Хочу перенять английскую методу у соседа вашего, Григория Ивановича Муромского…

– Да-с! – проговорил Берестов с усмешкой. – У меня не то, что у него… Куда нам по-английски разоряться! Были бы мы по-русски хоть сыты.

Гости улыбнулись и вслед за хозяином вышли в сад.

Идучи впереди, Иван Петрович пустился в нравоучительные рассуждения:

– Все эти заморские нововведения в первую голову крестьянин своим горбом чувствует. А я так думаю: чем более мы имеем над ним прав, тем более и наших обязанностей! Муромский – мот! Я таких не приемлю! Вот причина упадка нашего дворянства: дед был богат, сын уже нуждается, а внук идет по миру… Древние фамилии приходят в ничтожество!..

…В гостиной музицировала молодежь: две дочери Колбиных, три дочери Рощиных – Вера, Елена и Софья – и столичный отрок Вольдемар, сын Амалии. Все слушали романс, который пели сестры Колбины.

И тут в гостиную явился Алексей Берестов.

Как не похож он был на того удальца, что совсем недавно, полный радости, скакал в упоении по холмам! Перед девами предстал скучающий молодой dandy с небрежно-рассеянным взглядом, одетый во все черное. Он отвесил общий поклон, расслабленно облокотился на фортепиано, свесив руку с длинными пальцами.

Все замерли, впившись глазами в огромный перстень на безымянном пальце в виде мертвой головы. Рука Алексея поднялась ко рту, деликатно скрывая набежавшую вдруг зевоту. Столичный отрок не выдержал, подошел к Алексею и сочувственно прошептал:

– Как я вас понимаю!.. Мне тоже страх как скучно здесь после столицы, а уж вам, после студенческого братства…

Алексей смерил его холодным взглядом с головы до ног и процедил еле слышно:

– J'aime mieux m'ennuyer autrement…

– Как он похож на Чайльд-Гарольда!.. – восторженно шепнула одна из рощинских девиц, младшая.

– Притворяется, – шепнула в ответ старшая.

…Было три часа пополудни, когда коляски и кареты с гостями покатили от крыльца. Иван Петрович махал вслед коляскам рукой. Колбинские девицы, ехавшие в последней

карете, долго еще трясли в окна платочками, не в силах оторвать зачарованных глаз от сына хозяина.

Алексей с облегчением стащил с шеи черный галстух, спрятал в карман.

– Ну, что, какая из девиц приглянулась? – грубовато спросил отец.

– Все жеманницы, – вздохнул Алексей и фыркнул раздраженно.

– А по мне, так наши сельские барышни, выросшие под яблонями и между скирдами, воспитанные нянюшками и природою, гораздо милее столичных красавиц… На тебя, милый, не угодишь! Сам-то хорош! Вырядился бог знает как! – Иван Петрович поворотился и пошел в дом.

– Батюшка, мне нужно с вами поговорить, – сказал Алексей.

– Что ж… Пошли, поговорим…

В кабинете Иван Петрович взял со стола трубку, набил ее, жестом пригласил сына сесть. Но тот остался стоять. Иван Петрович уселся в кресло.

– Говори, Алеша. Что надумал?

– Батюшка, позвольте без обиняков…

– Ну?

– Отпустите в военную службу.

– Ах, вот ты зачем усы отпустил! В гусары, значит, метишь… – сказал отец, пуская кольца дыма.

– Да-с, в гусары, – кивнул Алексей.

– После университета, голубчик, в статскую службу идут, а не в военную.

– Молод был и глуп. Теперь хочу быть гусаром.

– А знаешь ли ты, – старик закинул ногу на ногу, – что звание помещика есть та же служба? Заниматься управлением тысяч душ, коих благосостояние зависит от тебя, важнее, чем командовать взводом или переписывать дипломатические депеши…

– Я знаю.

– А знаешь, так почему не хочешь продолжить мое дело?

– Душа не лежит. Увы, я не l'homme des champs…

– Ты ведь и не пробовал хозяйствовать! Я никак в толк не возьму: почему главное старание большей части наших дворян состоит не в том, чтобы сделать детей своих людьми, а в том, чтобы поскорее сделать их гвардии унтер-офицерами?.. Я им уподобляться не хочу.

– Но почему же, батюшка?

– Потому, что военная служба нынче – это вино, карты и разврат. Не то, что при Павле Петровиче, царство ему небесное! Тогда был порядок, а нынче гусары только шампанское горазды пить и за юбками охотиться. Не пущу!

– Вы в самом деле лишаете меня выбора? – тихо произнес Алексей.

– В самом деле! Такова моя отцовская воля. Ты меня знаешь.

– Ну, и вы, батюшка, меня знаете! Я своего добьюсь!

– Ишь ты! – Отец встал, прошелся по кабинету, успокаиваясь. – Пообвыкни здесь пока… Понравится – останешься, не понравится – ступай служить статским. Но в гусары не пойдешь! Ступай.

Сын коротко кивнул отцу и, по-военному повернувшись, вышел из кабинета.

А в Прилучине в это время отец и дочь Муромские играли в крокет, ожидая Рощиных. Вооружившись молоточками, они пытались прогнать деревянные шары сквозь воротца на специально оборудованной травяной лужайке.

Показалась карета Рощиных.

Григорий Иванович направился навстречу гостям. Из кареты вышли Рощин с женою и три их дочери.

– Здравствуйте, гости дорогие! Мы уж заждались, – сказал Муромский, подходя.

– Здравствуйте, Григорий Иванович. Мы ж договорились – к вечеру!.. Званы были на обед в Тугилово, к Берестовым, – отвечал Рощин.

Муромский нахмурился.

– Этот «хранитель русской старины» все обеды дает! – с иронией произнес он, возвращаясь на площадку для крокета. – И что же было?.. «Щи да каша – пища наша»?

– Щи, конечно, были – с грибами и пампушками, а еще телячья голова под соусом, ушное и «гусарская печень»! Ну и, конечно, пироги всех видов… Еле дышу… – потер довольно живот Рощин.

Муромский сглотнул слюну.

– Ну, а мы вам заморское угощенье приготовили, – бодро сказал он. – Крокет! Европейская игра, уж получше, чем вист. Из Петербурга выписал. Попробуйте, Петр Сергеевич!

Рощин несмело взял из рук Муромского молоток, Лиза отдала свой жене Рощина.

– Папа, мы пойдем ко мне, – сказала Лиза отцу.

– Идите, идите, у вас свои тайны… – улыбнулся Муромский.

Девицы стайкой удалились, щебеча на ходу:

– Ах, Лиза, если б ты видела, как уморительно были одеты девицы Колбины!..

– И откуда только они берут свои наряды?!

– У них на платья были нашиты не цветы, а какие-то сушеные грибы!..

– …А в чем, скажите, смысл этой игры, Григорий Иванович? – осведомилась Рощина, вертя молоток в руках.

– Попасть шаром в воротца.

– И все? – усмехнулся Рощин.

– Да вы попадите сначала!

Рощин размахнулся и ударил. Шар улетел в кусты.

– Эк вы размашисто! – крякнул Муромский.

– По-русски! – рассмеялся Рощин. – Воля ваша, Григорий Иванович, а городки лучше. Там уж ударишь, так ударишь!

– Нам бы все сплеча… Сдержанности учиться надо, сдержанности и аккуратности! Англичане нам в этом сто очков вперед дадут. И в хозяйственной методе, кстати, – наставительно говорил Муромский, пока слуга, одетый английским жокеем, разыскивал в кустах шар.

– Весьма возможно. Только, знаете ли, «на чужой манер хлеб русский не родится». Не помню, кто сказал… – возразил гость.

– Да уж знаю, кто… Берестов, небось. А вот Петр Великий завещал у Европы учиться!

– Далась вам эта civilisation europe'enne… У России свой путь!

В ответ Муромский сильно ударил шар и прогнал его сквозь все воротца.

В Лизиной светелке девицы Софья, Вера и Елена рассказывали подруге о своем новом знакомце.

– …И вот представь, – говорила и показывала Вера, – входит он, скользит взглядом по лицам и эдак равнодушно отворачивается… Вольдемар спрашивает: «Не скучно ли вам?» А Берестов выставил свой перстень, – он у него в виде мертвой головы, представляешь? Протер перстень о рукав, глянул так на Вольдемара – и только что не зевнул!..

– Такой же гордец, как его батюшка, – определила Лиза.

– Ну, прямо Чайльд-Гарольд! – сказала Елена.

– И ни за кем не волочился? – поинтересовалась Лиза.

– В нашу сторону даже не взглянул… – вздохнула Софья.

– Ну, тому причина есть… – Вера вынула из-за рукава сложенный вчетверо листок. – Вот почему он ни на кого не смотрит… Мне Оленька Колбина сегодня презентовала.

Все склонились над листком.

– Списано с письма Алексея Берестова в Москву. То есть, не с письма, а с конверта… *«Авдотье Петровне Курочкиной, в Москве, напротив Алексеевского монастыря, в доме медника Савельева… Прошу покорнейше доставить письмо сие А.Н.Р.»*– прочитала Вера.

– А – эн – эр… – хором повторили девицы.

– Вот и поди отгадай, – огорчилась Софья.

– Если кому не терпится, можно и погадать… – лукаво и загадочно произнесла Лиза.

– Ой, Лизанька, как это?.. Скажи скорей! – встрепенулись девицы. – Что придумала?..

Лизавета и сама загорелась.

– Сегодня же ночь на Ивана Купала, самая гадальная ночь!.. Деревенские будут через костры скакать, женихов загадывать… Будут венки по реке пускать…

– Можно еще луну зеркалом ловить, суженый покажется, – вставила Елена.

– Только это все пустое! – сверкала глазами Лиза. – А вот я, от покойной нянюшки, верное гадание знаю…

Девицы открыли рты.

– Вы ж сегодня у нас остаетесь? Вот и погадаем ночью, если не забоитесь…

Сестры испуганно притихли, а Лиза вновь взяла листок и задумчиво прочитала:

– А, эн, эр…

Следом за вороным конем, влекомым в поводу Настей, робко ступали по росной траве затуманенного луга четыре девушки, все в белых длинных рубахах и с распущенными волосами, как лесные нимфы или русалки. Последней шла самая младшая из девиц, Елена. Она прихватила с собой зеркало и нет-нет да и заглядывала в него, наведя на луну.

Посреди луга Настя остановила коня, сбросила с плеч шаль, обернула ею морду коня. Конь храпел, вздрагивал.

– Ну, кто первый?..

– Давай уж ты, Настенька!..

– Ну, ин ладно.

Настя ловко вскочила в седло.

– Водите!

Лиза взялась за повод и стала кружить коня на месте. Софья, Вера и Елена разошлись в три стороны и пошли по кругу, приговаривая хором вслед за Лизой:

– Ты кружись, кружись, мой конь…
Не ярись ты, охолонь…
На спине твоей невеста,
Укажи ей мужа место!..
Гой еси,
К нему неси!..

Лиза отпустила повод. Конь потоптался на месте, помотал головой, крутнулся по своей воле – и вдруг уверенно пошел вперед в известном только ему направлении…

– Тпру! – не выдержала Настя.

Девушки подбежали.

– Настя, что там?!.. – спросила Лиза, глядя в ту сторону, куда указывала голова коня. А Насте уже давно это было ясно.

– Да наша деревня, Прилучино… – грустно ответила она. – В конюшню его тянет.

– Теперь я! – горячилась Лиза. – У тебя суженый и есть в нашей деревне…

Настя спрыгнула с коня, помогла усесться барышне. И все повторилось, как и в первый раз, только коня теперь кружила Настя.

На этот раз конь думал не долго. Всхрапнув и заржав, он сразу поскакал по лугу.

– Стой!.. Тпру, окаянный!.. Да стой же!!.. – кричала Настя, не на шутку встревожась.

Девицы визжали. Конь вдруг круто забрал вправо, поскакал немного по прямой – и сам остановился, как вкопанный…

Когда все подбежали, перепуганная Лиза сидела неподвижно, намертво вцепившись в холку коня и устремив взор вперед, в непроглядный туман.

– Настя… – помертвевшими губами еле выговорила Лиза. – Куда это он так сразу поскакал?.. На конюшню, что ли?..

– Да нет, барышня, – ответила Настя, оглядевшись и определив направление. – В Тугилово!.. К Берестовым…

Лиза одевалась. Она была уже в нижнем белье с рюшами, в панталонах и туфельках, теперь же выбирала платье. Настя одно за другим извлекала из платяного шкафа наряды и показывала ей.

– Не хочу, – говорила Лиза.

– А это?

– Не… Сегодня не нравится.

– Вчера ж нравилось. Что же сегодня?

– Вчера было вчера. Давай зелененькое…. Там где-то… – Лиза пошевелила пальчиками, показывая, где висит платье.

– Воля ваша…

Настя достала зеленое платье, показала Лизе. Та наконец удовлетворенно закивала и замахала руками: давай сюда! Настя сняла платьице с вешалки, принялась наряжать барышню, помогла ей надеть его, а затем начала зашнуровывать и застегивать многочисленные шнурки и застежки. Лиза оглядывала себя придирчиво, будто на бал собиралась.

– Позвольте мне сегодня пойти в гости, – сказала вдруг Настя.

– Изволь. А куда? – беспечно ответила барышня.

– В Тугилово, к Берестовым…

При этих словах Лиза как-то напряглась и внимательно посмотрела на свою служанку. Та продолжала:

– Поварова жена у них именинница и вчера приходила звать нас отобедать.

– Вот! – Лиза хлопнула себя по бокам. – Господа в ссоре, а слуги друг друга угощают!

– А какое нам дело до господ! – возразила Настя. – К тому же я ваша, а не папенькина. Это папенька ваш в ссоре с Тугиловским барином. А вы ведь не бранились еще с молодым Берестовым…

– И побранюсь! Непременно побранюсь! – топнула ножкой Лиза. – Как только увижу – тут же и побранюсь!.. Вот только увидеть как? – печально закончила она.

– Старики пускай себе дерутся, коли им весело. А ваше дело – молодое! – Настя толкнула барышню локтем в бок и расхохоталась.

– Постарайся, Настя, увидеть Алексея Берестова, да расскажи мне хорошенько, каков он собою и что за человек, – наставительно произнесла Лиза.

– И носит ли он усы, – весело подхватила Настя.

– Что ты несешь, Настя! – Лизины бровки сошлись к переносице. – Какие усы? При чем здесь усы?!..

– Так вы же загадали на усы, – опешила Настя. – Сами говорили…

– Ничего я не говорила! Мало ли что я говорила! Говорила да забыла… Ступай к своим Берестовым и делай там, что хочешь!

С этими словами Лиза поспешила к лесенке, чтобы спуститься вниз к завтраку.

Молодая дворня, парни и девки числом около двадцати, играли в «горелышки» на краю барского сада в Тугилово. Выстроившись попарно «столбцом», они звонко подхватывали хором вслед за одиноким «горевшим»:

– Гори, гори ясно,
чтобы не погасло!
– Погляди на небо —
там птички летят,
колокольчики звенят!

– Раз, два, три —
огонь, гори!..

Задняя чета разбежалась врознь, «горевший» парень стремительно догнал девку и встал с нею в голову столбца. Новый одиночка стал «гореть»:

– Горю, горю жарко!
Едет Захарка!

И все весело подхватили:

– Сам на кобыле,
жена – на коровке,
дети – на тележках,
слуга – на собаках!
Погляди наверх —
там несется пест!..

Гости постарше издали наблюдали за игрой, сидя вкруг стола, накрытого к чаю прямо под яблонями, вблизи кухонного флигеля. Жена тугиловского повара, именинница Лукерья Федотовна, восседала с мужем во главе стола, на коем центральное место занимал пузатый медный самовар с поставленным сверху фаянсовым чайником, расписанным красными петухами. Рядом с именинницей сидела приказчица Берестовых со своими двумя дочерьми. Одеты они были с барского плеча, а потому в горелки не играли. Среди прочих сидели прилучинские – Ненила и Анисья Егоровна, ключница Муромского. (Настя и Дунька играли с молодыми).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.